

Валиахметов Альберт Наилевич

Т. Г. МАСАРИК И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ЛЕГИОН В РОССИИ (1917-1920): ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Статья посвящена рассмотрению личности и деятельности Т. Г. Масарика в отечественной и чехословацкой историографии. Особое внимание уделяется оценке стратегии и тактики Т. Г. Масарика в отношении Чехословацкого легиона в России (1917-1920). Чехословацкая историография прошла сложный путь: восхваление в 1920-1930-е, забвение в 1940-е, критика в 1950-1980-е, признание в 1990-2000-е гг. Новейшая отечественная историография, в отличие от советской, оценивает Т. Г. Масарика не как "пособника интервенции", а как политика со своими взглядами, целями и стремлением их реализовать.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 59-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. **Назарова М. Г.** Проблемы охраны культурных ценностей в России и за рубежом // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3 (12). С. 105-109.
5. **О вывозе и ввозе культурных ценностей:** Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-1 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2004. № 45. Ст. 4377.
6. **О вывозе и ввозе культурных ценностей:** Соглашение от 28.09.2001 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.
7. **О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года:** Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 // СЗРФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
8. **О Федеральной целевой программе «Культура России (2012-2018 годы)»:** Постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2012 № 186 // СЗРФ. 2012. № 3. Ст. 1516.
9. **Основы законодательства Российской Федерации о культуре:** Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 августа.
10. **Российский статистический ежегодник: 2010** [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/Main.htm (дата обращения: 24.08.2012).
11. **Сазонникова Е. В.** Культурные ценности как объект правового регулирования в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 173-184.
12. **Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с хищениями культурных ценностей и обеспечении их возврата от 05.10.2007** // Бюллетень международных договоров. 2009. № 11.
13. **Финансы России: 2010** [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_51/Main.htm (дата обращения: 28.08.2012).

SOCIAL-LEGAL ASPECTS OF CULTURAL POLICY OF RUSSIA IN SPHERE OF CULTURAL VALUES PROTECTION

Yuliana Yur'evna Burmistrova, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Research Department
Kazan' Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia
volna_a74@mail.ru

The author considers the problematic aspects of cultural policy having significant impact on cultural values preservation in modern Russia, analyzes the questions of the state regulation of culture by means of legislative initiatives, critically estimates the government agencies activity relating to the organizational support and financing of cultural sphere, and shows that the research of the problems of cultural values and cultural heritage protection provides opportunities for policy improvement in cultural sphere.

Key words and phrases: cultural policy; cultural heritage; cultural values preservation; financing of cultural sphere; legislation in cultural sphere.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению личности и деятельности Т. Г. Масарика в отечественной и чехословацкой историографии. Особое внимание уделяется оценке стратегии и тактики Т. Г. Масарика в отношении Чехословацкого легиона в России (1917-1920). Чехословацкая историография прошла сложный путь: восхваление в 1920-1930-е, забвение в 1940-е, критика в 1950-1980-е, признание в 1990-2000-е гг. Новейшая отечественная историография, в отличие от советской, оценивает Т. Г. Масарика не как «пособника интервенции», а как политика со своими взглядами, целями и стремлением их реализовать.

Ключевые слова и фразы: Т. Г. Масарик; Чехословацкий легион; гражданская война в России; иностранная вооруженная интервенция; антибольшевистское движение; историография; «освобожденческая легенда».

Альберт Наилевич Валиахметов, к.и.н.

Кафедра истории России и методики преподавания
Казанский (Приволжский) федеральный университет
albert80@mail.ru

Т. Г. МАСАРИК И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ЛЕГИОН В РОССИИ (1917-1920): ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ®

История Чехословацкого легиона в России является одной из наиболее актуальных тем в чехословацкой (чешской) историографии. Это объясняется тем, что легион рассматривался и продолжает рассматриваться в качестве одного из важнейших факторов в процессе создания самостоятельного Чехословацкого государства

в 1918 году. В отечественной историографии тема выступления Чехословацкого легиона и борьбы с ним также была актуальной по той причине, что с действиями Чехословацкого легиона связывалось начало гражданской войны в России в мае 1918 года. Чехословацкие воинские части в России являлись частью русской армии, а с января 1918 года перешли в ведение французского командования. «Внешнее управление» легионом осуществлял политический руководитель чехословацкого национально-освободительного движения – Томаш Гарриг Масарик.

Долгие годы оценки этой исторической личности были во многом политизированы: «Как русская, так и чехословацкая и западная историография и историческая публицистика одобряли или критиковали Масарика, исходя из тактических или стратегических политических задач...» [25, с. 9]. Цель настоящей статьи – рассмотреть оценки личности и деятельности Т. Г. Масарика в отечественной и чехословацкой (чешской) историографии. В центре внимания – характеристика стратегии и тактики Т. Г. Масарика в отношении Чехословацкого легиона в России (1917-1920). Изучение эволюции в оценке фигуры Т. Г. Масарика позволит оценить масштаб и глубину качественных перемен, происходивших в историографии двух стран.

В советской историографии сложилась концепция «организованной интервенции». Чехословацкому легиону при этом отводилась роль «авангарда сил интервенции». Без изучения (точнее, упоминания имени) Т. Г. Масарика было нельзя обойтись потому, что он преподносился в качестве промежуточного звена между представителями стран Антанты и Чехословацким легионом: «...Масарик рассчитывал создать в глубине России армию будущей Чехословацкой республики, а участием этой армии в войне на стороне Антанты *купить самостоятельность Чехословакии (курсив мой – А. В.)*» [24, с. 47]. Советские историки подчеркивали, что «...Масарик и Бенеш согласились на использование легионеров в антисоветских целях, *выторговав ряд условий (курсив мой – А. В.)*... действия корпуса в Сибири признавались частью массовой союзной интервенции, на него распространялись права сражающихся на Западном фронте. Таким образом, буржуазное руководство ЧНС (*Чехословацкого Национального Совета – А. В.*) получало право голоса при решении русского вопроса на мирной конференции после разгрома Германии» [21, с. 68].

Некоторым историкам удавалось обходиться без подобных семантических конструкций («купля/продажа»). По мнению В. Мазлера, Т. Г. Масарик полагал, что «...создание крупных чехословацких воинских формирований усилит его позиции в переговорах о признании самостоятельного чехословацкого государства» [7, с. 141].

Советские историки акцентировали внимание на фактах переговоров Т. Г. Масарика с лидерами западных держав по вопросу «...организации интервенции в России» [16, с. 10-11]. Приводились факты контактов Т. Г. Масарика с представителями местных антибольшевистских сил (встреча с Б. Савинковым в марте 1918 года) и оказание им определённой поддержки [14, с. 485]. В целом, можно говорить о том, что в советской историографии за Т. Г. Масариком закрепился ярлык одного из главных «пособников интервенции».

Наиболее плодотворная в советской историографии попытка исследования политических взглядов Т. Г. Масарика, его стратегии и тактики в отношении Чехословацкого легиона была предпринята в фундаментальной монографии А. Х. Клеванского [4]. Последний писал о «националистическом эгоизме» Т. Г. Масарика, по мнению которого «чем дольше продлится война, тем лучше для чехов и словаков, ибо у них будет больше времени для пропаганды и организации» [Там же, с. 89]. Рассматривая взгляды и деятельность Т. Г. Масарика, А. Х. Клеванский не мог не написать о его контактах с представителями антибольшевистских сил [Там же, с. 99-101, 140-141]. Однако даже в этих условиях «Масарик стремился заручиться официальным документом, в котором был бы зафиксирован... принцип невмешательства чехословацких воинских частей в политическую борьбу в России» [Там же, с. 100]. А. Х. Клеванский отмечал «сложность обстановки», в которой действовал Т. Г. Масарик. Несмотря на все контакты с представителями антибольшевистских сил, «Масарик предупреждал, что не следует провоцировать Советское правительство, чтобы оно не воспрепятствовало дальнейшему расширению чехословацких частей и не расформировало корпус» [Там же, с. 141]. Говоря о необходимости продолжить пребывание чехословацкого войска в России в декабре 1919 года, Т. Г. Масарик ссылаясь на то, что «решение вопроса зависит от Антанты», и возлагал «вину на продолжение военных действий на Советское правительство» [Там же, с. 321, 322]. Оценки, предложенные А. Х. Клеванским, не столь категоричны и однозначны. К тому же он стремился показать, что на действия Т. Г. Масарика влияли многие факторы, которые порой вступали в противоречие друг с другом.

В современной отечественной историографии наблюдается рост интереса к биографии и наследию Т. Г. Масарика. Это проявляется в издании его трудов [11; 26], работ, посвященных ему [8; 12]. В центре внимания исследователей находятся такие проблемы как социологические взгляды Т. Г. Масарика [6; 17], его контакты с русской эмиграцией в Чехословакии [22; 23; 25]. Для некоторых работ характерна идеализация его личности: Т. Г. Масарик назван примером «идеального руководителя» [12, с. 88], «философом на троне» [18]. Одной из новаций современной отечественной историографии является попытка рассмотрения наследия Т. Г. Масарика в системе координат истории идей. На первое место при этом выходит не «вооруженная», а скорее «идеологическая», «духовная» оппозиция Т. Г. Масарика событиям и процессам, происходящим в России (прежде всего революции и гражданской войне).

Предпринимаются плодотворные попытки объяснить позицию Т. Г. Масарика в эти годы исходя из его отношения к России, которое сложилось у него на рубеже XIX-XX веков [22, с. 60-61]. Выясняется, что отношение Т. Г. Масарика к России, к Февральской и Октябрьской революциям, к гражданской войне было более сложным, чем считалось прежде, и характеристика его как «антисоветского» и «антибольшевистского»

политика не отражает всей глубины и сложности этого отношения. Так, например, в современной историографии подчеркивается, что «Октябрьскую революцию в России Масарик резко осудил, отметив деструктивный характер большевистского правления, встав на защиту демократии» [1, с. 50-51].

В современной отечественной историографии наблюдается в целом более взвешенный подход к оценке деятельности Т. Г. Масарика. С одной стороны, некоторые историки продолжают писать о нем как о «...противнике советской власти, который поддерживал связь со многими контрреволюционными организациями» [13, с. 218]. При этом, тот же историк отмечает, что Т. Г. Масарик сторонился от конкретных форм сотрудничества с представителями антибольшевистских сил: «...о нежелании Национального совета ввязываться в российский конфликт говорит и тот факт, что профессор Моссарик (*так в тексте – А. В.*) чуть раньше отказал генералу М. В. Алексееву и П. Н. Милокову поддержать боевые действия Добровольческой армии» [Там же, с. 102]. Находясь в Киеве осенью 1917 года, Т. Г. Масарик «требовал, чтобы чехословацкие воинские части использовались только для подавления беспорядков, угрожающих безопасности имущества, в случаях крайней необходимости и при условии, что под рукой нет русских воинских частей. Однако исключалось их использование для подавления беспорядков, возникающих на политической почве» [12, с. 93]. Положение не изменилось и позднее: Т. Г. Масарик «не питал симпатий к большевикам, шёл на контакты с антибольшевистскими силами, охотно выражал им поддержку. Однако в декабре 1917 года заявил, что в случае выхода России из войны корпус будет вывезен во Францию» [28, с. 29]. Е. П. Серапионова отмечает, что «несмотря на негативное отношение к большевизму, чехословацкий политик придерживался принципа невмешательства в “русские дела”. И лишь давление великих держав, прежде всего Великобритании, заставило Масарика позднее согласиться с использованием чехословацких легионеров в Гражданской войне в России» [22, с. 60-61]. О. М. Малевич предложил оригинальную трактовку отношения Т. Г. Масарика к интервенции: «Вместо военной интервенции Масарик предлагал интервенцию мирную (проникновение на русский рынок, скупка русского хлеба, чтобы он не достался Центральным державам, финансирование строительства железных дорог). Это была программа признания Советской власти де-факто» [8, с. 65].

По сути дела, современные отечественные историки, рассматривая деятельность Т. Г. Масарика по руководству Чехословацким легионом в 1917-1920 годах, оперируют фактами, которые были установлены ещё в 1920-е годы, при этом интерпретируют их несколько иначе. Если советская историография оценивала позицию Чехословацкого легиона в Киеве осенью 1917 года как проявление «враждебного» нейтралитета, то в новейшей историографии этот факт не получил негативной оценки, а был представлен лишь в качестве примера политики нейтралитета. Не отрицая «антипатию» Т. Г. Масарика к большевизму, российские историки всё же признают, что в своей деятельности он руководствовался мотивами более высокого порядка: «Масариком руководила одна идея – идея обретения Чехословакией независимости, идея создания нового государства» [12, с. 89]. Даже давление представителей стран Антанты преподносится как один из внешних, приводящих факторов в стратегии и тактике Т. Г. Масарика: на первый план при этом выходит не «пособничество» интервенции, а необходимость учитывать мнение союзников *в реализации своей политики*. В качестве положительной тенденции в изучении темы отметим, что на современном этапе историки в оценке Т. Г. Масарика отошли от семантических конструкций, имеющих однозначно негативные коннотации.

В чехословацкой историографии интерес к личности и деятельности Т. Г. Масарика был выражен более рельефно. В годы первой республики в Чехословакии (1918-1938) Т. Г. Масарик пользовался огромным авторитетом. Он был первым президентом Чехословацкой республики и переизбирался на эту должность три раза. Проявлением уважения к нему следует считать выход специальных трудов [20]. В них Т. Г. Масарика называли вождём чехословацкого революционного движения, вождём чешского народа, который вывел его «...на светлую дорогу независимости и национального творческого подъёма» [20, с. 9; 27, с. 10].

Деятельность Т. Г. Масарика и история Чехословацкого легиона в России оказались неразрывно связаны в историографии. Интерес чехословацкой историографии к истории Чехословацкого легиона в России во многом был обусловлен «...той ролью, которую сыграл чехословацкий корпус, его политическое руководство, Чехословацкий Национальный Совет (ЧНС) во главе с будущим чехословацким президентом Т. Г. Масариком в деле создания чехословацкой государственности» [9, с. 101-102]. В 1920-е годы чехословацкие «историки и публицисты официального направления, хотя и с разной степенью профессионального умения, прежде всего стремились доказать политическую дальновидность Масарика и его единомышленников из кругов чехословацкой буржуазной эмиграции, подчеркнуть их решающую роль в борьбе за достижение национальной независимости» [4, с. 4]. Из этих попыток родилась т.н. «освобожденческая легенда»: «об освобождении чешского и словацкого народа Т. Г. Масариком, т.н. чехословацкими легионами и империалистами стран Антанты. По почину Т. Г. Масарика даже был построен особый архив и институт, которые должны были “научно” доказать “историческую” справедливость и ценность приведённой освобожденческой легенды» [39, с. 308].

Вместе с тем, не все в Чехословакии оценивали роль Т. Г. Масарика столь однозначно и высоко. Коммунист А. Муна писал, что: «Солдаты чешской бригады воспитывались националистической печатью в царско-фильском и реакционном духе. В особе Крாவого Николая они видели благо царя-освободителя славян, и вожди чешской буржуазии предлагали чешскую корону члену романовской династии... Это почти четырёхлетнее националистически-шовинистическое воспитание, ответственность за которое падает, главным образом, на профессора Масарика, оставило в чешском войске глубокие следы и является одной из главных причин его контрреволюционности» [15, с. 6]. Подобное обвинение в отношении Т. Г. Масарика нельзя считать обоснованным. К 1917 году он был скорее прозападным политиком. К тому же, демократия и парламентаризм ему были ближе, чем монархия и царизм.

Т. Г. Масарика критиковали не только слева (коммунисты), но и справа (националисты). Например, А. С. Калина отдавал первенство в деле национально-освободительной борьбы не политикам, генералам: «Было счастьем для нашей революции, что тогда чехословацкую заграничную политику делали, в сущности, капитаны Гайда, Кадлец и поручик Чечек со своими солдатами в Сибири, а не профессор Масарик и доктор Бенеш» [32, s. 2-3]. По его мнению, боевые действия имели более важное значение для признания Чехословакии, чем дипломатические переговоры. Националисты критиковали Т. Г. Масарика также за то, что он «якобы, начиная с 1919 г., не хотел поддерживать борьбу чехословацких легионеров против советской власти, а после установления диктатуры Колчака согласился с отзывом легионеров с фронта и впоследствии с заключением перемирия с большевиками» [25, с. 9-10].

После того, как «Масариковская республика стала в начале войны жертвой гитлеровской агрессии, культ Масарика был жестоко выкорчеван и его дела замалчивали. Такое было ещё дважды в нашей послевоенной истории: после 1948 и после 1968» [33, s. 7].

С приходом к власти в Чехословакии коммунистов в 1948 году роль Т. Г. Масарика в истории Чехословакии стала подвергаться переоценке. В 1953 году в Праге был опубликован сборник под названием «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика» (переиздан в Москве в 1954 году). В предисловии к чешскому изданию подчёркивалось, что сборник «...окончательно развенчивает как лживые буржуазные легенды, так и некоторые наивные иллюзии о Масарике как о “надпартийном философе и государственном деятеле”, “освободителе нации”» [3, с. 13]. В этом же году была опубликована книга В. Краля, название которой говорит само за себя – «О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша» (переиздана в Москве в 1955 году). В. Краль назвал Э. Бенеша и Т. Г. Масарика – «преданными слугами империалистов» [5, с. 55, 99]. Чехословацкие историки в этот период изображали Т. Г. Масарика в качестве активного противника Советской власти. В этом проявилось влияние СССР и советской историографии. Я. Горец подчеркивал, что нейтралитет, провозглашенный Т. Г. Масариком на Украине, сводился к поддержке террора против рабочего класса и большевистской партии и помощи контрреволюции [43, s. 112]. При этом он указывал, что «...целью масариковского “нейтралитета” в то время было выиграть время для подготовки к антисоветскому выступлению...» [Ibidem, s. 120]. Вся деятельность Т. Г. Масарика в России сводилась к тому, чтобы «...чехословацкий легион стал эффективным инструментом подготовляемого заговора против новой большевистской власти» [Ibidem, s. 117].

В то же время, даже в этих условиях наблюдались попытки сохранить некоторый баланс в оценке личности и деятельности Т. Г. Масарика, смягчить наиболее острые оценки. В монографии И. Веселы Т. Г. Масарик, с одной стороны, был представлен «агентом американско-англо-французских империалистов», «точным исполнителем их воли» и противником большевизма [2, с. 67], с другой стороны, подчёркивалось, что он делал это из-за стремления способствовать «...восстановлению Восточного фронта и активной борьбы против центральных держав» [Там же, с. 39]. Своеобразная «оттепель» в чехословацкой историографии в середине 1960-х годов привела к тому, что «отчётливо зазвучали голоса представителей блестящей плеяды чешских и словацких “историков-шестидесятников”, опиравшихся в своих исследованиях на огромный массив архивных документов и попытавшихся на этой основе пересмотреть ранее утвердившиеся идеологизированные постулаты» [10, с. 690]. Некоторые чехословацкие историки стали выражать протест против излишне односторонней и примитивной критики «освобожденческой легенды». Так, Я. Кржижек, рецензируя книгу Я. Б. Шмерала, к очевидным её недостаткам отнёс то, что автор «...практически не упоминает роль Антанты в возникновении ЧСР, её роль в признании взглядов чехов и словаков на самостоятельное государство весной и летом 1918 года, дипломатическо-политические успехи Чехословацкого Национального Совета во главе с Масариком в 1917 и 1918 годах, роль Масарика при возникновении ЧСР» [38, s. 315]. По мнению Ш. Штвртецки, в том, что большевики прекратили борьбу с вековым неприятелем чехов и словаков – Германией, Т. Г. Масарик видел угрозу образованию самостоятельного Чехословацкого государства [51, s. 456]. В годы Пражской весны стало возможным показать противоречия, с которыми сталкивался в своей деятельности Т. Г. Масарик: «Но интерес общественности к легиону создал для Масарика сложную ситуацию. С одной стороны, Масарик и его сподвижники видели, что на чехословаков обратили внимание повсюду - и в Америке, и где бы то ни было еще. Это была неожиданная поддержка. С другой стороны, столкновение с большевиками было тем, чему Масарик усиленно препятствовал» [36, s. 13]. Более того, в эти годы еще можно было писать о нём, как о стороннике «вооружённого нейтралитета», но противнике интервенции: «Масарик признал самооборону легионеров, но был против интервенции в России» [Ibidem]. М. Маховец напоминал, что имя Масарика «связано с возникновением Чехословацкой республики» и писал о «Масариковской республике» [42, s. 17, 21, 22].

Подавление Пражской весны привело к сворачиванию исследований. Лишь к середине 1980-х годов стали предприниматься попытки пересмотра отношения к Т. Г. Масарику. По словам В. Вавры, «...антисоветское выступление Чехословацкого легиона помогло Масарику осуществить его план». Успехи Чехословацкого легиона в Сибири стали «...наиболее веским аргументом в его дискуссиях не только с Вильсоном, но и со всеми политиками западных великих держав» [53, с. 104]. Подчёркивалось, что Т. Г. Масарику «не была приятна идея, чтобы чехословацкое войско могло участвовать во внутренних боях в России» [35, s. 205].

На рубеже 1980-1990-х годов в чехословацкой историографии произошел поворот в оценке личности и деятельности Т. Г. Масарика. Этому способствовали знаменательные даты чехословацкой истории – в 1988 году отмечалось 70-летие со дня образования первой Чехословацкой республики. Случившаяся в 1989 году

«бархатная революция» в Чехословакии привела к тому, что коммунистический режим в стране пал, и к власти пришли демократические силы. В результате появились необходимые предпосылки для переоценки многих исторических сюжетов. В историографии и публицистике обозначилось стремление поднять на щит «старых» национальных героев, которые в новых исторических условиях рассматривались в качестве символа перемен и движения к демократии. В чехословацкой (чешской) исторической науке вырос интерес к личности Т. Г. Масарика [48-50], которого называли одним из самых выдающихся деятелей в чешской истории, а его имя ставилось в один ряд с именами Я. Гуса, Ф. Палацкого, Я. А. Коменского [33, s. 7; 45, s. 97; 49, s. 161]. Т. Г. Масарик был признан ведущим деятелем чехословацкого заграничного освободительного движения [37, s. 29; 47, s. 84], а первая республика была названа «легионерская масариковская республика» [29, s. 11].

Для объяснения стратегии Т. Г. Масарика в отношении Чехословацкого легиона, чехословацкие (чешские) историки более пристальное внимание уделили характеристике отношения Т. Г. Масарика к продолжению мировой войны. К осени 1917 года Россия оказалась на грани военно-политической катастрофы, в то же время чехословацкие легионеры желали продолжения войны, так как её «преждевременное» завершение могло помешать решению их многовековой задачи – добиться обретения государственной самостоятельности [30, s. 164]. Именно поэтому Т. Г. Масарик хотел в мае 1917 года удержать Россию в числе воюющих держав [34, s. 405]. Эта угроза обрела реальные очертания особенно после Октябрьской революции 1917 года и прихода большевиков к власти. По словам К. Рихтера, «...в деятельности большевиков и их ориентации на социалистическую революцию Масарик видел опасность, что Россия будет ослаблена и выйдет из войны на стороне Антанты. Это в его глазах представляло угрозу стремлению завоевать самостоятельное чехословацкое государство» [46, s. 123]. Подобная альтернатива пугала политическое руководство легиона и отвергалась им, как «...измена “святому народному делу”» [54, s. 104-105]. Позднее подобный «милитаризм» будет одним из лозунгов агитации во время выступления легионеров [52, s. 28]. Мирные инициативы большевиков объективно затрудняли, по мнению лидеров национально-освободительного движения чехов и словаков, достижение обозначенных целей борьбы. К тому же заключение мира с Германией ставило Чехословацкий легион в весьма щекотливое положение. Таким образом, позиция Т. Г. Масарика по отношению к большевикам и Советскому правительству во многом определялась стратегией национально-освободительной борьбы. Т. Г. Масарик оценивал русскую революцию с точки зрения того, как она может сказаться на решении «чешского вопроса» [31, s. 26].

Даже в условиях наличия противоречий и потенциальных условий для конфронтации, лидеры национально-освободительного движения в лице Т. Г. Масарика стремились проявить максимальную лояльность к событиям 1917 года в России [46, s. 122]. Позднее лояльность превратилась в нейтралитет. При этом нейтралитет, объявленный Т. Г. Масариком перед отъездом из России, носил двойственный характер. С одной стороны, он строго-настрого наказал «...добраться до Владивостока любой ценой», в то же время подчеркнул, что в случае нападения, легион должен принять энергичные меры к самообороне [40, s. 29-30; 41, s. 887].

Т. Г. Масарика по-прежнему называют противником большевизма как идейного и политического течения [40, s. 41]. Неприятие большевизма было основано, в том числе, и на внешнеполитических соображениях: после заключения Брестского мира большевики стали рассматривать как зависимых от Германии, а борьбу с ними – как борьбу с немцами [55, s. 62]. Несмотря на то, что Т. Г. Масарик подверг острой критике тактику большевиков, он оценивал перспективы интервенции весьма скептически, «не видел реальную позитивную антибольшевистскую силу в России, которую легион мог бы поддержать своей интервенцией» [33, s. 47]. Именно потому, что он не верил в успешность акции антибольшевистских сил, Т. Г. Масарик отказал М. В. Алексееву и Л. Г. Корнилову [25, s. 15]. После заключения Брестского мира (со всеми его негативными последствиями для легиона и национально-освободительного движения в целом), «для Масарика, в сущности, были возможны два решения: срочная переброска чехословацких частей на западный фронт или новое вовлечение России в войну на стороне Антанты... Можно сказать, что одновременно шла работа в обоих направлениях...» [Там же, с. 14]. Однако в итоге Т. Г. Масарик провозгласил Чехословацкий легион в России революционной армией, которая могла быть использована только в борьбе против Австрии и Германии, и после заключения большевиками Брестского мира выступал за скорейшую переброску чехословацких войск на Западный фронт [33, s. 47; 44, s. 172].

По мнению Я. Кржижека, «...конфликт возник без его (Т. Г. Масарика – А. В.) ведома и одобрения, как объективный факт» [40, s. 30]. Вместе с тем, «Масарик открыто одобрил действия войск корпуса после челябинского инцидента, в том числе захват магистрали и другие антибольшевистские акции» [25, s. 21-22]. В дальнейшем Т. Г. Масарик полагал, что пребывание Чехословацкого легиона в России способно усилить позиции Чехословакии на мирной конференции [Там же, с. 19, 24]. Можно сказать, что его надежды в полной мере оправдались.

Несмотря на наличие конфронтации и противоречий между Чехословацким легионом и большевиками, в решающий момент обеим сторонам удалось прийти к соглашению в феврале 1920 года: «старые споры» «практически были ликвидированы уже в Сибири посредством договора, заключенного между чехословацкой армией и советским правительством, а некоторое время спустя и восстановлением взаимных сношений между государствами, принимавшими участие в конфликте» [19, s. 3]. В этом мы можем видеть своеобразное проявление политики, которую проводил Т. Г. Масарик ещё с 1917 года: лояльность и нейтралитет.

Оценивая в целом позицию Т. Г. Масарика в гражданской войне в России, Я. Рыхлик подчеркнул, что она «была продиктована, с одной стороны, политическими интересами чехословацкой борьбы за независимость, а с другой стороны – его представлением о будущей сильной и демократической России. Поэтому Масарик отрицал как большевизм, так и белые диктатуры» [25, s. 25].

Чехословацкая (чешская) историография прошла более сложный и витиеватый путь развития в оценке личности и деятельности Т. Г. Масарика: от восхваления до жёсткой критики, от забвения до идеализации. Современная чешская историография признает заслуги Т. Г. Масарика и считает его основателем первой Чехословацкой республики. Чешские историки рассматривают Т. Г. Масарика как самостоятельного политика, который действовал в определенных (часто стесненных) обстоятельствах, был вынужден балансировать и маневрировать, но вместе с тем шёл к реализации одной стратегической цели – создание самостоятельного Чехословацкого государства. На действия Т. Г. Масарика влияли не только идеи национального освобождения, но и особое отношение к России, её прошлому, настоящему и будущему. Весь этот комплекс внутренних и приводящих обстоятельств должен быть учтен при оценке фигуры и деятельности Т. Г. Масарика.

В современной отечественной историографии также появляются работы, написанные в подобном ключе [1]. Подобное сближение с чешской историографией может рассматриваться как несомненное достижение. Вместе с тем, следует признать приоритет чехословацких (чешских) историков в изучении таких тем как «Т. Г. Масарик и русская революция», «Т. Г. Масарик и гражданская война в России», «Масарик и Чехословацкий легион в России».

Список литературы

1. **Бобраков-Тимошкин А.** Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой Республике (1918-1938). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 224 с.
2. **Веселы И.** Чехи и словаки в революционной России / пер. с чешского Ф. С. Чумало. М.: Воениздат, 1965. 182 с.
3. **Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика** / пер. с чешского О. С. Хархардина; редакция и предисловие М. Туманова. М., 1954. 319 с.
4. **Клеванский А. Х.** Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. М.: Наука, 1965. 394 с.
5. **Краль В.** О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша / пер. с чеш. М. М. Хазанова; ред. и предисл. А. И. Недорезова. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 280 с.
6. **Лаврик Э. Г.** Социологическая теория и политическая практика Т. Г. Масарика // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 112-119.
7. **Мазлер В.** Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. 1970. № 5. С. 141-149.
8. **Малевич О. М.** Томаш Гарриг Масарик // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 58-80.
9. **Малышева С. Ю.** Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. 271 с.
10. **Марьина В. В.** Историческая наука на переломе: чешские и словацкие историки на пути к «Пражской весне» и после её подавления // 1968 год. «Пражская весна» (историческая ретроспектива): сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 687-709.
11. **Масарик Т. Г.** Россия и Европа: эссе о духовных течениях в России. СПб.: РХГИ, 2004. Т. II. 719 с.; СПб.: РХГИ, 2003. Т. III. 576 с.
12. **Маслов В. П.** Томаш Масарик и роль личности в истории // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 88-98.
13. **Медведев В. Г.** Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск: Издательство СВНЦ, 1998. 220 с.
14. **Милиц И. И.** Год 1918-й. М., 1982. 576 с.
15. **Муна А.** Кто такие чехословаки. М.: Издательство ВЦИК Советов РСК и КД, 1918. 8 с.
16. **Мухарьямов М. К., Литвин А. Л.** Борьба за Казань в 1918 году. Казань, 1968. 88 с.
17. **Нарбут Н. П.** Социология «малого народа» Т. Г. Масарика // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 120-123.
18. **Нарбут Н. П.** Философ на троне (штрихи к портрету Т. Г. Масарика) // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. № 4. С. 61-83.
19. **Папоушек Я.** Чехословаки и Советы. Как произошло столкновение чехословацких легионов с советами / авторизованный перевод с чешского Н. Ф. Мельниковой-Папоушковой. Прага: Издание автора, 1928. 71 с.
20. **Радль Э.** Томаш Г. Масарик. Его жизнь, общественная и научная деятельность. Прага, 1921. 75 с.
21. **Светачёв М. И.** Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922). Новосибирск, 1983. 336 с.
22. **Серापionoва Е. П.** Т. Г. Масарик, К. Крамаж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. № 4. С. 60-65.
23. **Сергеева Т. Б.** Русское педагогическое сообщество и профессор Т. Г. Масарик // Философия образования. 2006. № 3. С. 59-63.
24. **Софинов П.** Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 47-61.
25. **Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика:** по материалам международной научной конференции / отв. ред. М. Г. Вандакловская. М.: Русский путь, 2005. 256 с.
26. **Т. Г. Масарик: философия – социология – политика:** избр. тексты. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. 663 с.
27. **Штейдлер Ф.** Выступление чехословаков в России 1918 года // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Т. IV. С. 9-27.
28. **Юрченко В.** Мятеж, которого не было // Родина. 1994. № 1. С. 28-34.
29. **Československé legie v Rusku.** Sborník příspěvků z kolokvia 9.5.2001 v Praze / Uspořádal V. Veber. Praha, 2003. 153 s.
30. **Frankerberger O.** Rec. on: Vojenske dějiny Československa (II) / Kolektiv autorů: M. Broft, V. Dangl, P. Horváth, V. Kopčan, M. Mudra, A. Pomaňák, A. Špiesz, V. Vavra. Praha: Naše vojsko, 1986. 592 s. + 24 s. příl. // Historie a vojenství. 1990. № 4. S. 159-165.
31. **Interpretace ruské revoluce 1917** / J. Hanuš, R. Vlček (eds.). Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury (CDK), 2008. 182 s.
32. **Kalina A. S.** Krví a železem dobytý československé samostatnosti. Praha, 1938. 333 s.
33. **Kautman F.** Masaryk, Šalda, Patočka. Praha: Evropský kulturní klub, 1990. 94 s.
34. **Kolafa Š. J.** Prace o vzniku Československa (Rec. on: Král V. Vznik ČSR. Praha: Melantrich, 1985. 320 s.) // Slovanský pohled. 1988. № 5. S. 404-406.

35. **Kovtun J.** Masarykův triumf: příběh konce velké války. Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1987. 714 s.
36. **Kozák J. B. T. G.** Masaryk a vznik Washingtonské deklarace v říjnu 1918. Praha: Melantrich, 1968. 116 s.
37. **Křížek J.** Němci, Lenin a čs. legie. Praha: Vyšehrad, 1997. 110 s.
38. **Křížek J.** Nová sovětská práce o vzniku ČSR (Rec. on: J. B. Šmeral. *Obrazování Čechoslovenské republiky v 1918 roku*. Moskva, 1967. 338 s.) // *Historie a vojenství*. 1968. № 2. S. 311-316.
39. **Křížek J.** Rec. on: Oldřich Říha. *Ohlas Říjnové revoluce v ČSR* // *Historie a vojenství*. 1958. № 2. S. 308-312.
40. **Křížek J. T. G.** Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918 // *Historie a vojenství*. 1992. № 1. S. 19-45.
41. **Kutlíková D.** K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918 // *Historie a vojenství*. 2002. № 4. S. 884-912.
42. **Machovec M.** Tomáš G. Masaryk: studie s ukázkami z Masarykových spisů. Praha: Melantrich, 1968. 283 s.
43. **Muška J., Hořec J.** K úloze československých legií v Rusku. Praha: Mír, 1954. 200 s.
44. **Pichlík K., Klípa B., Zabloudivá J.** Českoslovenští legionáři (1914-1920). Praha: Mladá fronta, 1996. 283 s.
45. **Revoluce v Československu a T. G. Masaryk** // *Slovenský přehled*. 1990. № 2. S. 97-99.
46. **Richter K.** Setkání dvou revolucí // *Historie a vojenství*. 1990. № 1. S. 119-134.
47. **Slovník prvního československého odboje 1914-18**. Praha, 1993. 165 s.
48. **Sluka V. T. G.** Masaryk – prezident ČSR (II): dokumenty // *Historie a vojenství*. 1990. № 5. S. 126-145.
49. **Sluka V., Králová B. T. G.** Masaryk v boji za samostatný čs. Stát: dokumenty // *Historie a vojenství*. 1990. № 3. S. 162-182.
50. **Sluka V., Králová B. T. G.** Masaryk v boji za samostatný čs. Stát (II): dokumenty // *Historie a vojenství*. 1990. № 4. S. 132-152.
51. **Štvrtecký Š.** Nová práce o čs. červenoarmejcích a légiích v Rusku (Rec. on: Klevanskij A. Ch. *Čechoslovenské inetrnationalisty i prodanyj korpus*. Moskva: Nauka, 1965. 392 s.) // *Historie a vojenství*. 1966. № 3. S. 452-457.
52. **Vávra V.** Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918 // *Historie a vojenství*. 1988. № 4. S. 23-35.
53. **Vávra V.** Čs. internacionalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (II) // *Historie a vojenství*. 1984. № 3. S. 93-116.
54. **Vávra V.** Čs. internacionalisté v sovětském Rusku 1917-1920 // *Historie a vojenství*. 1987. № 4. S. 104-120.
55. **Zabloudivá J.** Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920 // *Historie a vojenství*. 2000. № 1. S. 56-65.

T. G. MASARYK AND CZECHOSLOVAK LEGION IN RUSSIA (1917-1920): NATIVE AND CZECHOSLOVAK HISTORIOGRAPHY

Al'bert Nailevich Valiakhmetov, Ph. D. in History
Department of Russian History and Teaching Technique
Kazan' (Volga Region) Federal University
albert80@mail.ru

The author considers the personality and activity of T. G. Masaryk in the native and Czechoslovak historiography, pays special attention to estimating the strategy and tactics of T. G. Masaryk in respect of the Czechoslovak legion in Russia (1917-1920), tells that the Czechoslovak historiography got through a complex way: praise in the 1920s-1930s, neglect in the 1940s, critique in the 1950s-1980s, recognition in the 1990s-2000s, and shows that the contemporary native historiography, in contrast to the soviet one, estimates T. G. Masaryk not as an “accomplice of intervention”, but as a politician with his views, goals, and the tendency to implement them.

Key words and phrases: T. G. Masaryk; Czechoslovak legion; civil war in Russia; foreign armed intervention; anti-Bolshevik movement; historiography; “legend of liberation”.

УДК 141.32

Философские науки

В статье анализируется категория отчаяния — одна из самых важных в христианско-экзистенциальной философии Сёрена Киркегора. Особое внимание уделяется представлениям философа об истоках «болезни к смерти» и ее последствиях, рассматриваются разновидности отчаяния (отчаяние-слабость и отчаяние-вызов) и условия духовного исцеления человека, утратившего связь с Богом.

Ключевые слова и фразы: Киркегор; категория отчаяния; «болезнь к смерти»; эстетическая и этическая стадии жизненного пути; страх; разновидности отчаяния; определение веры.

Татьяна Борисовна Зайцева, к. филол. н., доцент
Кафедра русской литературы
Магнитогорский государственный университет
tbz@list.ru

КАТЕГОРИЯ ОТЧАЯНИЯ ИЛИ «БОЛЕЗНЬ К СМЕРТИ» В ФИЛОСОФИИ СЁРЕНА КИРКЕГОРА©

Впервые в европейской культуре категория «отчаяния» формируется в трактатах датского мыслителя XIX века Сёрена Киркегора: философские и психологические аспекты понятия отчаяния всесторонне и